ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМЪ БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ".

№ 13 Пятница, 15 (28) апрѣля 1905 г. № 13

Юбилей цензуры.

I.

Медленно движется русская жизнь.

Только что исполнилось сорокъ лѣтъ со дня введенія новаго цензурнаго устава. Устава, давшаго нѣкоторыя облегченія печати, освободившаго часть ея отъ гнета предварительнаго цензорскаго просмотра.

Въ самый моментъ своего появленія на свѣтъ Божій новый цензурный уставъ уже мало отвѣчалъ требованіямъ времени. Дальнѣйшія административныя надстройки и реакціонныя наслоенія въ корнѣ измѣнили его характеръ, извратили его прямой смыслъ. Сорокалѣтняя далеко не безпорочная служба Россіи сегодняшняго юбиляра давно уже вызываетъ недоумѣніе и порицаніе. Старика давно пора было уволить на покой съ мундиромъ и пенсіей, отнести къ разряду историческихъ реликвій, хранящихся въ архивахъ... Тѣмъ не менѣе, ветхій деньми и искушенный опытомъ, онъ пребываетъ въ жизни, стремится еще руководить и направлять разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ.

На юбилейныхъ торжествахъ всегда ведутся юбилейныя рѣчи.

Ораторы стараются отыскать все свѣтлое въ прошломъ юбиляра и тщательно затушевать темныя стороны. Пользуясь симъ, отъ предковъ унаслѣдованнымъ, обычаемъ, начнемъ и мы нашу рѣчь съ добраго воспоминанія. Съ воспоминанія о тѣхъ сильныхъ духомъ и вѣрою людяхъ, которые на рубежѣ, отдѣляющемъ мракъ николаевской эпохи отъ всходящаго солнца новыхъ дней, являлись дѣйствительными выразителями лучшихъ надеждъ русскаго общества.

Свобода слова считалась всегда лучшимъ орудіемъ противъ плѣсени и мрака.

Еще К. Аксаковъ вдохновенно восклицалъ въ самую тяжелую годину для русской мысли и слова:

О, слово, даръ Бога святой!
Кто слово даръ божескій свяжетъ,
Тотъ путь человѣку иной,
Путь рабства кровавый укажетъ,
На казни, на вредную рѣчь.
Въ тебѣ исцѣленье готово,
О, духа единственный мечъ,
Свободное слово.

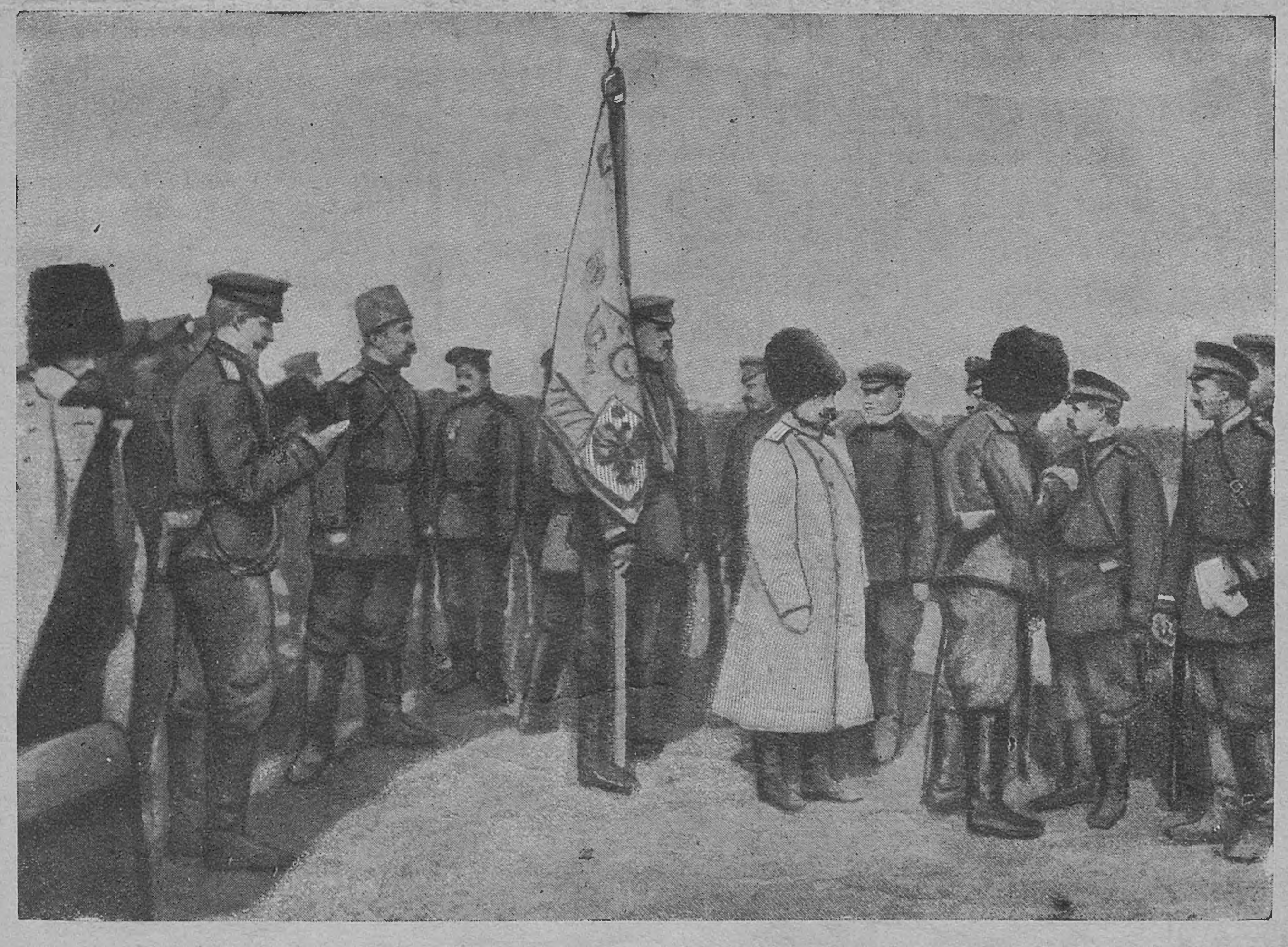
Мечь духа всегда враждовалъ съ мечомъ плоти.

Духъ подготовилъ зарю русскаго освобожденья и утро великихъ реформъ. Но возмущенная плоть себялюбивыхъ „патріотовъ" и патріотствующихъ юродивыхъ постаралась и въ свѣтлыя, лучшія страницы русской исторіи влить свой ядъ.

„Нѣтъ свободы безъ злоупотребленій, но нѣтъ и никакого блага безъ свободы"—писалъ цензоръ А. Никитенко.

Въ опасеніи этихъ „злоупотребленій" съ опаской глядѣли на свободу. Свобода отождествлялась съ крамолой, злоупотребленія произвола возводились чуть-ли не на степень устоевъ русской жизни.

Напрасны, были предостереженія, что „общественная критика необходима для самаго общества, ибо безъ нея общество лишается сознанія, а правительство лишается всего

Генералъ Мищенко награждаетъ орденами героевъ своего отряда.
Съ наброска корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

общественнаго ума, что честное перо требуетъ свободы для своихъ честныхъ мнѣній, даже для своихъ честныхъ ошибокъ". (Хомяковъ). Предостереженія честнаго пера не подѣйствовали.

Напрасно въ разгаръ подготовки реформы Иванъ Аксаковъ доказывалъ, что „свободное мнѣніе въ Россіи есть надежнѣйшая опора свободной власти, ибо въ союзѣ этихъ двухъ свободъ заключается обоюдная крѣпость земли и государства."

„Просторъ слова,--убѣждалъ тотъ же пламенный борецъ за свободу печати,--нужнѣе всѣхъ реформъ послѣ освобожденія крестьянъ". Безъ свободы слова „всѣ реформы едва - ли взойдутъ".

Катковъ уподоблялъ необходимость гласности, необходимости воздуха для организма. „Бдительное общественное мнѣніе, по выраженію Погодина,—новая необходимая инстанція". Тютчевъ въ своихъ письмахъ о цензурѣ въ Россіи свидѣтельствовалъ, какъ намъ было жестоко доказано, что нельзя налагать на умы безусловное и слишкомъ продолжительное стѣсненіе и гнетъ безъ существеннаго вреда для всего общественнаго организма... „Наступила пора даровать умамъ недостававшій имъ просторъ".

Ничто не помогло. Бюрократія взяла въ свои руки попеченія о свободѣ слова. Она боялась, какъ жупела,—слова свобода, она стремилась лишь къ облегченію цѣпей, тяготѣвшихъ надъ словомъ.

И цѣпи, дѣйствительно, были облегчены, но все же цѣпи остались...

II.

Ихъ расковывали въ тиши канцелярій. Ихъ сковывали вновь въ тѣхъ же канцеляріяхъ. Свободу слова подготовляли комитеты. Въ дѣйствительности же примѣнялись прежнія драконовскія мѣры. О полной отмѣнѣ репрессалій по отношенію къ печатному слову въ комитетахъ не было и рѣчи.

Здѣсь лились рѣчи и слагались планы не о дарованіи хартіи вольностей печати, а о лучшихъ способахъ устройства цензуры. Признано было, что именно ей, т. е. цензурѣ, „не достаетъ самостоятельности и сосредоточенности". Печати необходима сосредоточенная и самостоятельная нянька. Нянька, умѣющая хорошо пеленать дитятко русскаго прогресса. О родителѣ напоминать ребенку нянюшкѣ было строго-на-строго заказано и, болѣе того, предписано тщательно изглаживать изъ его памяти всякія воспоминанія. Слово „прогрессъ" было изгнано съ печатныхъ столбцовъ.

Валуевъ уже подготовлялся къ роли опекуна малолѣтной. Онъ начиналъ ту историческую миссію, которую предсказывалъ Никитенко: „отдѣленіе правительства отъ мыслящей и просвѣщенной части общества".

Реформа цензурнаго устава, предпринятая въ шестидесятыхъ годахъ, свелась на преобразованіе чисто внѣшнее. Это была, въ полномъ смыслѣ, реформа цензурнаго вѣдомства, но не освобожденіе печати.

И. Аксаковъ могъ мечтать о томъ времени, когда „свобода печатнаго слова будетъ неотъемлемымъ правомъ каждаго подданнаго Россійской Имперіи безъ различія званія и состоянія", когда она станетъ альфой и омегой русскихъ законовъ.

Бюрократія старалась во что бы то ни стало затянуть дѣло пересмотра. Въ 1857 году было Высочайше повелѣно приступить къ составленію новаго цензурнаго устава. Черезъ два года лишь составляется его проектъ. „Ослабленіе и удобства"—дѣло грядущаго. Надъ современной же литературой, „для надзора за ея направленіемъ", учреждается особый комитетъ по дѣламъ книгопечатанія. Комитетъ просуществовалъ, впрочемъ, не долго.

Поднимаются толки и проекты о передачѣ цензуры изъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Первое министерство считало своей обязанностью покровительствовать литературѣ и не желало оставаться ея „строгимъ судьей". Оно высказывало пожеланія: „итти къ большему простору печатнаго слова, причемъ преступленія карались бы судомъ и выводился бы болѣе и болѣе произволъ изъ области цензуры".

Къ такой внѣшней реформѣ (передача цензуры изъ одного вѣдомства въ другое) современники относились далеко неодобрительно. Они чувствовали, что положеніе печати станетъ еще горше...

Въ ноябрѣ 1859 года послѣдовало отдѣленіе главнаго управленія цензуры отъ министерства народнаго просвѣщенія. Получилась какая-то двойственность. Цензура была сосредоточена все еще въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, но контроль надъ ней, наблюдательная власть перешли въ вѣдѣніе министра внутреннихъ дѣлъ.

Валуевъ уже сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ и власть карательную.

Цензура, по выраженію Никитенки, сдѣлалась „болѣе чѣмъ когда-либо игралищемъ судьбы". „Для литературы настала эпоха неблагопріятная. Главное—Государь сильно противъ нея вооруженъ"—заноситъ въ свой „Дневникъ" тотъ же Никитенко.

Вопросъ о реформѣ такъ и оставался открытымъ. Два теченія—прогрессивное и реакціонное—столкнулись. Результаты этого столкновенія, или, правильнѣе, слѣды взаимныхъ уступокъ ясно высказались во временныхъ правилахъ 6 апрѣля 1865 года. Самыя правила благополучно просуществовали до настоящаго времени, причемъ реакція послѣдующихъ лѣтъ вывѣтрила изъ нихъ все то немногое, что, по мысли законодателя, должно было дать временно облегченія и удобства отечественной печати.

III.

Въ чемъ же выразились реально тѣ „облегченія и удобства", которыя были предоставлены отечественной печати закономъ 6-го апрѣля 1865 года?

Временныя правила о печати предоставляли освобожденіе отъ предварительной цензуры всѣмъ выходящимъ „донынѣ въ свѣтъ повременнымъ изданіямъ, коихъ издатели о томъ заявятъ".

Льгота, однако, не распространялась на провинцію, примѣненіе ея на практикѣ было сужено и для столицъ.

Заявленіе издателея еще не предопредѣляло разрѣшенія. Разрѣшеніе на изданіе безъ предварительной цензуры было всецѣло предоставлено власти министра внутреннихъ дѣлъ. Бывали моменты, когда такія разрѣшенія не давались вовсе. Нѣсколько большія удобства сдѣланы были для цензуры книгъ, но, въ общемъ, цензура и административное усмотрѣніе оставались въ полной силѣ.

Цензурныя кары разсыпались щедро. Административныя воздѣйствія и единоличное усмотрѣніе примѣнялись въ превосходной степени.

За сорокъ лѣтъ существованія „правилъ", русская журналистика представляетъ буквально поле, усѣянное мертвыми костями. „Чей борзый конь его топталъ въ часы кровавой битвы, чье небо слышало молитвы?"

Документальная справка *) отвѣтитъ на этотъ вопросъ.

За сорокъ лѣтъ подверглись различнымъ дисциплинарнымъ взысканіямъ 174 изданія—взысканіямъ, начиная съ предостереженій, временной пріостановки, воспрещенія розничной продажи или печатанія частныхъ объявленій и кончая прекращеніемъ самыхъ изданій. Напримѣръ, „Биржевыя Вѣдомости" за двадцать четыре года съ лишнимъ своего существованія при нынѣшнемъ издателѣ получили три предостереженія, были дважды временно пріостановлены (въ 1887 г. по ст. 156, и въ 1899 по ст. 144-й), пять разъ подвергались воспрещенію розничной продажи и дважды запрещенію печатать частныя объявленія.

Отъ каръ и случайныхъ усмотрѣній ничто не спасало. „Предостерегались" органы крайняго либеральнаго направленія и органы умѣренные и даже полуоффиціозы вродѣ „Московскихъ"и„Спб. Вѣдомостей". „Гражданину" было объявлено даже „строгое внушеніе", хотя такого „внушенія" ни одна статья закона не предусматриваетъ. Карающій бичъ временной пріостановки, съ примѣненіемъ ст. 144, отдающей изданіе подъ предварительный просмотръ цензора,—это своеобразное примѣненіе нравственной пытки надъ провинившимися словомъ и мыслью,—практиковалось во всю. Но настоящей пыткой для печати являлась та неясность и неопредѣленность мотивовъ, съ какой „обуздывали" ея полусвободу.

„Вредное направленіе"—одинъ изъ излюбленныхъ мотивовъ, сопровождавшихъ большинство каръ. Опредѣленіе вдвойнѣ туманное и для судей, и для подсудимыхъ. Во вредномъ направленіи была обвинена вся русская печать. Вся безъ изъятія.

„Неоднократно обнаруживали вредное направленіе и продолжаютъ упорно держаться его"—таковъ мотивъ предостереженія, даннаго „Биржевымъ Вѣдомостямъ" въ 1886 г.

Въ 1899 году уже глухо отмѣчено только вредное направленіе газеты. Въ 1882 году такимъ именно вредомъ признавалось „неумѣстное сужденіе о правахъ и обязанностяхъ (?) печати".

Гордость русской литературы, покойный Вл. Соловьевъ былъ тоже признанъ писателемъ вредоноснымъ. Его правдивыя статьи въ „Вѣстникѣ Европы" по церковнымъ вопросамъ были признаны ложью и колеблющимъ уваженіе принципа русской національности (?).

Крѣпостническая „Вѣсть" подверглась предостереженію не за свое безмѣрно-опричническое направленіе, а „за неумѣстныя сужденія о личныхъ свойствахъ и распоряженіяхъ бывшаго г. губернатора, несоотвѣтствующія чувству приличія, достоинству государственной службы и обязанностямъ періодической печати".

Вреднымъ было признано оппозиціонное направленіе „Голоса", „Отечественныхъ Записокъ" и „Современника".

Это съ одной стороны; съ другой--„Гражданина", „Московскихъ Вѣдомостей" и „Новаго Времени".

Послѣднее даже было заподозрѣно (въ 1872 г.) въ явномъ сочувствіи къ вреднымъ ученіямъ соціалистовъ и въ антирелигіозной пропагандѣ.

Иногда къ эпитету „вредное" придавался еще столь же вѣскій, „легкомысленное". Въ еще болѣе рѣдкихъ случаяхъ выдвигалась новая терминологія „предосудительное" и „явно предосудительное направленіе".

*) Вл. Розенбергъ и Якушкинъ. „Печать и цензура". Спб. 1905 г.

Истинному патріоту Ивану Аксакову было брошено обвиненіе въ томъ, что его газета „обсуждаетъ текущія событія тономъ несовмѣстнымъ съ истиннымъ патріотизмомъ“.

Только „Свѣтъ“ ускользнулъ отъ всякихъ нареканій. Впрочемъ, одинъ разъ и органъ г. Комарова навлекъ на себя нерасположеніе правительства, явившись въ роли распространителя „подметнаго воззванія преступнаго содержанія“ (1897 г.).

Любопытно отмѣтить послѣдовательность въ примѣненіи орудій воздѣйствія на печать. Министерство находилось въ постоянномъ колебаніи въ выборѣ способовъ наказаній. Такъ, въ шестидесятыхъ годахъ особеннымъ фаворомъ пользовалась система предостереженій болѣе или менѣе ясно формулированныхъ. Въ девяностыхъ годахъ центръ воздѣйствій былъ перенесенъ на запрещеніе розницы и на временное пріостановленіе изданій, даже безъ предостереженій. То же самое наблюдается и относительно прекращенія изданій—процентъ все болѣе и болѣе растетъ. И такъ, вся русская печать была подъ судомъ и слѣдствіемъ...

Судъ правый, скорый и милостивый—и сорокъ лѣтъ томленій, печалей и гнета. За сорокъ лѣтъ русское общество и печать выросли, окрѣпли и сознали, что не „облегченія и удобства“ нужны теперь для печати, а полная свобода мысли и слова.

„Наша печать нуждается не въ облегченіяхъ: она нуждается въ точномъ опредѣленіи своихъ правъ и своихъ отношеній къ закону. Это можетъ быть достигнуто только кореннымъ пересмотромъ всего цензурнаго устава, а прежде всего признаніемъ главнаго, неотъемлемаго права печати—права на свободу“..

Такъ говоритъ одобренная академіей записка комиссіи, избранной изъ среды академиковъ академіи наукъ. Такъ говоритъ и мыслитъ все русское общество, привѣтствуя свободное слово—„духа единственный мечъ“.

Ник. Носковъ.

Что такое правовое государство.

(Докладъ В. М. Гессена).

Живая тема и популярность докладчика переполнили одну изъ вмѣстительныхъ аудиторій с.-петербургскаго политехническаго института. Двухъ-часовое разстояніе мѣста собранія отъ города не ослабило интереса публики къ злободневной темѣ.

Начавъ съ общей характеристики конституціоннаго государства и абсолютной монархіи, докладчикъ перешелъ къ темѣ—„правовому государству“.

Конституціонное государство отличается двоякой природой—съ соціальной точки зрѣнія оно является демократическимъ, съ юридической—правовымъ.

Какъ послѣднее, оно обусловлено такой организаціей государственной власти, которая обезпечиваетъ, съ одной стороны, правомѣрный характеръ государственной власти, съ другой, неприкосновенность публичныхъ правъ гражданина. Достигается эта организація существованіемъ въ конституціонномъ государствѣ двухъ органовъ властей—короля и парламента, дѣйствующихъ совмѣстно, но имѣющихъ по отношенію другъ къ другу опредѣленныя обязанности, а, главное, строго подчиненныхъ въ своихъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ закону, утвержденному народнымъ большинствомъ. Въ абсолютной же монархіи ярко виденъ и чувствуется всѣмъ и каждымъ внѣ-и надъ-законный характеръ правительственной власти. Нѣтъ никакого обособленія властей, никакихъ взаимообязанностей между правительственными и законодательными органами.

Первымъ общимъ условіемъ осуществленія правового государства является представительный образъ правленія. Парламентъ служитъ выраженіемъ общей воли народа. Законъ, какъ общая воля, долженъ господствовать надъ волеизъявленіями отдѣльныхъ властей. Законъ и правительственныя распоряженія, по самому своему происхожденію—несоизмѣримыя силы; различіе ихъ источниковъ обусловливаетъ различную степень ихъ силы и значенія. А потому для того, чтобы законодательная власть являлась господствующей, она должна стоять внѣ государственнаго механизма и надъ нимъ.

Обособленіе властей въ правовыхъ государствахъ осуществляется различно. Въ конституціонныхъ монархіяхъ, напр., органъ законодательной власти состоитъ изъ короля въ парламентѣ. Дѣйствуя изолированно, ни тотъ, ни другой не имѣютъ власти. Исполнительная же власть—король въ кабинетѣ—вынуждена безусловно считаться съ королемъ въ парламентѣ.

Въ республиканскихъ государствахъ, гдѣ власть всецѣло принадлежитъ народу, законодательная и исполнительная власти рѣзко отдѣлены другъ отъ друга, и вторая подчинена первой.

Въ государствахъ дуалистическаго типа правительственная власть свободна отъ непосредственнаго подчиненія законодательной; глава правительственной власти, монархъ или президентъ, свободно избираетъ своихъ министровъ; они являются е г о слугами; они управляютъ страной по его указаніямъ (примѣромъ можетъ служить Пруссія).

Существованіе вообще въ конституціонномъ государствѣ той или другой формы (дуалистической или парламентарной) не устанавливается конституціоннымъ правомъ; оно зависитъ исключительно отъ фактическаго преобладанія парламента или короны.

Судебныя гарантіи въ правовыхъ государствахъ слѣдующія: 1) административная юстиція, 2) отвѣтственность министровъ, 3) уголовная, 4) дисциплинарная и 5) гражданская отвѣтственность должностныхъ лицъ.

Подзаконность правительственной власти является единственнымъ необходимымъ условіемъ политической свободы.

Въ правовомъ государствѣ индивидъ является подданнымъ законодательной и гражданиномъ правительственной власти.

Что касается перехода отъ абсолютной монархіи къ правовому государству, то идея законосовѣщательныхъ учрежденій безусловно не выдерживаетъ критики, такъ какъ въ ней нѣтъ и намека на обособленіе властей и подчиненіе правительственной власти законодательной—два единственно необходимыхъ условія правового государства.

Немногочисленныя пренія выразили общую солидарность собранія съ высказанными докладчикомъ положеніями и взглядами.

Свѣжо преданіе...

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ... Былъ на Руси оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, а затѣмъ министръ народнаго просвѣщенія, а затѣмъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой. Чѣмъ обязана ему Россія, это знаетъ каждый, кто у насъ жилъ сознательной жизнью съ начала семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Печальнымъ памятникомъ его государственной дѣятельности осталась наша такъ называемая классическая система образованія, въ которой не было ничего классическаго, кромѣ, развѣ, классическихъ образцовъ безсердечнаго отношенія учителей и наставниковъ къ ученикамъ и воспитанникамъ...

Есть на Руси великій писатель, озарившій своей славой наше время, писатель всю жизнь искавшій Бога живого; есть на Руси имя Льва Николаевича Толстого—центръ магнитнаго притяженія для всѣхъ живыхъ душъ, для всѣхъ бьющихся сердецъ, для всѣхъ пытливыхъ умовъ. И вотъ, оказывается, въ жизни Толстого, Льва Николаевича, девять лѣтъ тому назадъ, въ 1886 году, настало „смутное время...“ Толстой Дмитрій Андреевичъ проектировалъ для него заточеніе въ Суздальскій монастырь безъ права писать...

Съ трудомъ вѣрится? Но не вѣрить нельзя. Разсказъ объ этомъ „смутномъ времени“ сохранился въ запискахъ тетки великаго писателя, графини А. А. Толстой, и вы можете прочитать его въ статьѣ Ив. Захарьина, напечатанной въ только-что вышедшей апрѣльской книжкѣ „Вѣстника Европы“.

Припомните все, что написано Толстымъ съ 1886 года, переберите въ памяти все, что творилось вокругъ этого имени и въ связи съ нимъ за послѣднія девять лѣтъ, и вы поймете, какую потерю понесла бы Россія, Европа, все человѣчество, если бы проектъ Дмитрія Андреевича осуществился. Толстого заточили бы въ Суздальскій монастырь безъ права писать, т. е.—поясняетъ его тетка — „ему стали бы отпускать бумагу въ ограниченномъ размѣрѣ, при томъ непремѣнномъ условіи, что новое количество онъ будетъ получать лишь по возвращеніи исписаннымъ того, что было отпущено ему раньше.

Не было бы „Крейцеровой сонаты“, не было бы „Смерти Ивана Ильича“, „Хозяина и работника“, „Воскресенья“, не было бы всего 13-го тома полнаго собранія сочиненій, не было бы всего, что сдѣлано за 9 лѣтъ перомъ Толстого для возвышенія человѣческой личности, для прославленія русскаго имени.

Не было бы,—если-бъ въ дѣло не вмѣшалась тетка великаго писателя, славная русская женщина, которую высоко цѣнилъ императоръ Александръ III.

Вотъ ея разсказъ:

„...Когда я узнала и увидѣла, какой опасности можетъ подвергнуться Левъ Николаевичъ отъ доклада Дмитрія Андреевича Государю, и что этотъ докладъ будетъ сдѣланъ на-дняхъ, я рѣшила употребить все свое вліяніе, чтобы его спасти. Я написала Государю, что мнѣ очень нужно Его видѣть, и просила назначить мнѣ для этого время. Представьте мою радость, когда я вдругъ получила отвѣтъ, что въ тотъ же день Государь зайдетъ ко мнѣ самъ.

„Я была сильно взволнована, ожидая Его посѣщенія, мысленно просила Бога помочь мнѣ. Наконецъ, Государь вошелъ. Я замѣтила, что лицо Его утомлено, и Онъ былъ чѣмъ-то разстроенъ. Но это не измѣнило моего намѣренія и лишь придало мнѣ большую рѣшимость. На вопросъ Государя, что я имѣю сказать Ему, я отвѣчала прямо:

„— На-дняхъ Вамъ будетъ сдѣланъ докладъ—о заточеніи въ монастырь самаго геніальнаго человѣка въ Россіи.

„Лицо Государя мгновенно измѣнилось: оно стало строгимъ и глубоко опечаленнымъ.

„— Толстого?—коротко спросилъ Онъ.

„— Вы угадали, Государь,—отвѣчала я.

„— Значитъ, онъ злоумышляетъ на мою жизнь?—спросилъ Государь.

„Я изумилась, но внутренно была обрадована: я подумала, что только одно это (преступленіе) могло бы склонить Государя къ утвержденію доклада Дмитрія Андреевича.

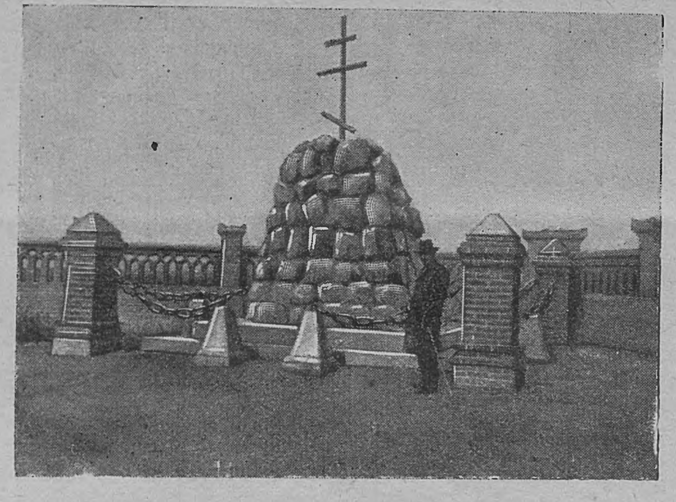
„Я разсказала Государю подробно все, что узнала отъ Дмитрія Андреевича о винѣ Льва,—и видѣла, къ величайшей моей радости, что Его лицо принимало все болѣе и болѣе свое обычное, кроткое и

Генералъ-отъ-кавалеріи
Р. А. Хрещатицкій,
новый командующій войсками Пріамурскаго военнаго округа.

Харбинъ. — Раздача подарковъ, присланныхъ въ армію изъ Россіи.

Харбинъ. — Братская могила.

Харбинъ. — Зданіе русско китайскаго банка.

Всѣ снимки съ фотографій, доставленныхъ намъ съ театра войны, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Похороны товарища на полѣ битвы.

Вице-адмиралъ Рожественскій на пути во Владивостокъ.

Къ пребыванію германскаго императора въ Италіи.
Итальянскій король произноситъ тостъ въ честь императора.

чрезвычайно ласковое выраженіе. Вскорѣ же, Государь всталъ, чтобы уйти. Я позволила себѣ, при прощаніи, сказать лишь одно,—что не на графа Дмитрія Андреевича, конечно, обрушится всеобщее —въ Россіи и за границей—негодованіе, въ случаѣ утвержденія его доклада. .

„Черезъ два дня я узнала, что Государь превзошелъ всѣ мои ожиданія, и Его доброта и мудрость разрѣшили вопросъ совершенно инымъ образомъ. Прослушавъ донесеніе Дмитрія Андреевича о случившемся и о сильномъ, будто бы, возбужденіи публики, Государь, отклоняя отъ себя докладъ, отвѣчалъ, буквально, слѣдующее:

„— Прошу васъ Толстого не трогать. Я нисколько не намѣренъ сдѣлать изъ него мученика и обратить на себя всеобщее негодованіе. Если онъ виноватъ, тѣмъ хуже для него".

Вотъ за какую услугу Толстой писалъ своей теткѣ. „Если у васъ есть грѣхи, дорогой другъ, Alexandrine, то они, вѣроятно, вамъ простятся за то добро, которое вы мнѣ сдѣлали"...

Она сдѣлала добро Льву Толстому и, въ его лицѣ, — всѣмъ, для кого жилъ и живетъ Толстой. И память о ней, благодарная память, навсегда сохранится въ сердцахъ людей.

А все же какъ не воскликнуть: „свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ"!..

Б. Павловъ.

Санитары подбираютъ раненыхъ и отставшихъ по пути отступленія русскаго отряда.
Съ наброска корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Изъ угловъ современной смуты.

ТИФЛИСЪ, 26-го марта.

(Отъ спеціально командированнаго сотрудника „Биржевыхъ Вѣдомостей“).

Бесѣда съ попечителемъ учебнаго округа.

„Забастовки учащихся“ сообщили кавказскому обществу такое настроеніе, что объ нихъ даже не разговариваютъ. Предполагается, что „бастуютъ“ всѣ учащіеся. Развѣ только случайно встрѣтится кто-нибудь изъ родителей того учебнаго заведенія, гдѣ все спокойно. На такого родителя смотрятъ съ любопытствомъ. Это avis rara.

Я руководился такими соображеніями, когда поѣхалъ къ попечителю учебнаго округа М. Р. Завадскому, съ готовой резолюціей:

„Чѣмъ объясняется, что на Кавказѣ, при отсутствіи высшаго учебнаго заведенія, на которое обычно возлагается отвѣтственность за волненія среди учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ широко развились забастовки? Надо искать причину среди самихъ учащихся, или извнѣ, въ посланіяхъ изъ Россіи?

— Вотъ видите,—сказалъ добродушно Михаилъ Романовичъ,—у васъ уже и резолюція готова, когда вамъ неизвѣстны еще самые факты.

— Но забастовка учащихся—это безспорное и всеобщее явленіе на Кавказѣ...

— Начать съ того, что явленіе это далеко не всеобщее. А потомъ то, что наблюдалось въ управляемомъ мною округѣ, я лично не считаю забастовкой. Это временныя волненія—ничего больше.

— Да... Но учащіеся перестаютъ ходить въ классы?

— А вы послали бы своего сына въ гимназію 6—9-го февраля въ Баку? Или въ какое нибудь изъ училищъ Карталиніи?

— Видите-ли, — продолжалъ попечитель округа, не получая отъ меня отвѣта,—„забастовка“ это нѣчто опредѣленное... Это прекращеніе работъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, съ представленіемъ ультиматума... Этого въ нашемъ округѣ не было. Учащіеся просто не занимались, среди нихъ обращались прокламаціи. Но не бывало, чтобы учащіеся заявляли: „Мы приступимъ къ занятіямъ, если удовлетворятъ наши требованія, и не приступимъ, если ихъ не удовлетворятъ“. Нѣтъ, этого не было. А было такъ: эти волненія охватятъ учебное заведеніе на 2—3—4 дня и занятія снова начинаются. Въ одномъ учебномъ заведеніи такъ, въ другомъ иначе.

— Какъ? Развѣ не всѣ бастовали... виноватъ, волновались въ одно время?

— Далеко нѣтъ. Да возьмите для примѣра Тифлисъ. 2-ая и 3-я мужскія гимназіи волновались, а въ 1-ой не было ничего, если не считать чисто семейнаго „пансіоннаго волненія“.

Я былъ въ первой гимназіи. Послѣ волненія, имѣвшаго мѣсто въ пансіонѣ, директоръ Е. Ѳ. Нюбеличъ оставилъ свой постъ, и я бесѣдовалъ уже съ и. д. директора П. И. Обложскимъ.

— Вы сказали,—обратился я къ М. Р.,—что волненія эти были явленіемъ не всеобщимъ?

— И повторяю это. Изъ гимназій волновались: бакинская, елизаветпольская, шушинское реальное училище, 2-ая и 3-я тифлисскія, тифлисское реальное училище, батумская, кутаисская; конечно, много городскихъ училищъ, тифлисская учительская семинарія; нѣсколько гимназій и городскихъ училищъ въ Сѣверномъ Кавказѣ, да нѣсколько начальныхъ училищъ, напримѣръ, въ Самтребѣ, Дицишиковѣ. Но вездѣ это были только волненія, длились нѣсколько дней, и занятія возобновлялись. Если въ кутаисской гимназіи занятія прекращены, то это въ силу желанія временнаго кутаисскаго губернатора князя Орбеліани.

— Но ставили же учащіеся какія нибудь требованія? Ну, не ультиматумы... Но все-же...

— Да вотъ вамъ сухой матеріалъ. Убѣждайтесь сами.

Попечитель пододвинулъ ко мнѣ нѣсколько воззваній, присланныхъ въ округъ изъ разныхъ мѣстъ.

Я сталъ разбираться.

Въ общемъ, все извѣстныя формулы. Пожеланія общаго характера и типа. Среди нихъ есть пожеланія, достойныя полнаго вниманія и глубоко симпатичныя.

Въ одномъ текстѣ говорится о полной равноправности учащихся безъ различія религіи и національности, о всеобщемъ обязательномъ и даровомъ обученіи, о снабженіи бѣдныхъ дѣтей пищей, одеждой и учебными пособіями.

Другой текстъ къ упомянутымъ пожеланіямъ проситъ о привлеченіи въ педагогическіе совѣты родителей и опекуновъ, объ учрежденіи товарищескаго суда, объ отмѣнѣ внѣшкольнаго надзора и о прекращеніи дѣйствія циркуляра, запрещающаго печати заниматься внутреннимъ бытомъ школы. Интересно, что п е р в ы й пунктъ этого текста гласитъ: „Школа—храмъ науки, а потому изъ нея должна быть устранена политика“.

Въ третьемъ текстѣ говорится о правѣ учащихся устранять по своему усмотрѣнію преподавателей и объ изъятіи изъ предметовъ преподаванія закона Божія.

— Эта прокламація—сказалъ М. Р. Завадскій, — была разбросана 24-го января. Учащіеся отъ нея отказались.

Всѣ тексты настаиваютъ на одномъ:

На введеніи родного языка въ школу.

Я вамъ уже сообщилъ взглядъ на этотъ предметъ главноначальствующаго на Кавказѣ. Попечитель округа придерживается такихъ же взглядовъ.

Когда я разобрался въ текстахъ требованій, возникли новые вопросы.

— Какъ вы смотрите на циркуляръ, запрещающій печати вторгаться въ жизнь школы?

— По моему крайнему убѣжденію, печати должно быть предоставлено полное право касаться всѣхъ вопросовъ. Во главѣ печати стоятъ не дѣти, которымъ нужна указка. Что касается меня, я никогда не возбуждаю дѣлъ противъ такихъ „преступленій“ печати.

Взглядъ крайне правдивый и гуманный. Къ нему слѣдуетъ прислушаться.

Отъ себя скажу, что прекращеніе дѣйствія этого злосчастнаго циркуляра должно быть осуществлено параллельно съ другимъ ограниченіемъ, касающимся преподавательскаго персонала.

До сихъ поръ преподаватели могутъ опровергать нападки на нихъ исключительно съ разрѣшенія департамента народнаго просвѣщенія.

Второй вопросъ,—это единеніе семьи и школы. По этому вопросу я съ удовольствіемъ отмѣчаю, что М. Р. Завадскій придерживается того же взгляда, какой неоднократно проводился мной въ нашей газетѣ. Единеніе семьи и школы—идеалъ, къ которому необходимо стремиться. Нельзя возлагать на это единеніе надеждъ н е м е д л е н н о. Пройдутъ года, вырастетъ поколѣніе, воспитанное на идеѣ этого единенія и тогда родители явятся истыми педагогами, а педагоги всегда будутъ помнить, что классъ не департаментская канцелярія. Чѣмъ скорѣе начнется это единеніе, тѣмъ раньше осуществится ожидаемый результатъ.

Но изъ своего прекраснаго далека, я не могу пройти мимо одной реформы, необходимой въ дѣлѣ нашей школы.

Эта реформа—матеріальное обезпеченіе учителей и прочность ихъ положенія въ гимназіи и, въ особенности, въ народной школѣ.

Могу засвидѣтельствовать, что по данному вопросу попечитель кавказскаго учебнаго округа, исповѣдуетъ такую же религію.

Пожеланія учащихся въ кавказскихъ учебныхъ заведеніяхъ, направленныя къ тому, чтобы въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ была сохранена ровность во взглядахъ на религію и національность, имѣютъ исключительно принципіальный характеръ.

— Національный и религіозный вопросъ у насъ не существуетъ, пояснилъ мнѣ М. Р. Завадскій. У насъ въ гимназіяхъ учатся представители всѣхъ національностей и религій. Ограниченій нѣтъ ни для кого.

— Даже для евреевъ?

— Евреи не составляютъ исключенія. Разъ родители имѣютъ право жительства на Кавказѣ,—дѣти ихъ вполнѣ свободно учатся въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— А каково распредѣленіе учащихся по національностямъ?

— Больше всего—я говорю о мужскихъ гимназіяхъ—русскихъ. Ихъ 36,9 проц. Затѣмъ, армянъ—29,5 проц., грузинъ—16,2 проц., евреевъ—5,3 проц., татаръ—3,4 проц., горцевъ 2,1 проц., другихъ національностей 6,6 процентовъ.

— Какъ обстоитъ дѣло въ смыслѣ общаго развитія учащихся въ кавказскихъ учебныхъ заведеніяхъ?

— О, на этотъ счетъ мы можемъ похвастать. Общій уровень развитія очень высокъ. Ученики много читаютъ и читаютъ серьезно и послѣдовательно. Въ этомъ отношеніи я очень, очень доволенъ.

— Наконецъ, позвольте предложить вамъ общій вопросъ: каковы причины тѣхъ волненій, какія наблюдаются и по сейчасъ въ учебныхъ заведеніяхъ ввѣреннаго вамъ учебнаго округа?

— Помимо спеціальныхъ причинъ, созданныхъ событіями въ Баку, Батумѣ, Эривани, Кутаисѣ,—это отзвукъ того, что происходитъ сейчасъ во всей Россіи.

Протей.

На берегахъ Вислы.

(Отъ спеціально командированнаго сотрудника „Биржевыхъ Вѣдомостей“).

III.

Политическіе отголоски.

Въ предыдущемъ письмѣ я писалъ о чрезвычайной политической сдержанности, проявленной въ бесѣдахъ со мною представителями высшаго польскаго духовенства, и отмѣтилъ въ общихъ чертахъ, чѣмъ вызвана такая, нѣсколько странная на нашъ взглядъ, осторожность. Она объясняется тревожностью настроенія, господствующаго во всѣхъ кругахъ здѣшняго общества.

По главнымъ улицамъ Варшавы: Краковскому Предмѣстью, Новому Свѣту, Сенаторской, Маршалковской и др.—непрерывно двигаются разсыпанною цѣпью конные и пѣшіе патрули. На окраинахъ по ночамъ производятся повальные обыски, причемъ обнаруживаются склады револьверовъ, прокламацій и принадлежности тайнаго печатанія; во вре-

мя послѣдней изъ такихъ облавъ, какъ уже сообщало Петербургское Телеграфное Агентство, было арестовано 77 человѣкъ. Это же Агентство отмѣтило въ общихъ чертахъ массовые безпорядки, происшедшие въ еврейскомъ кварталѣ.

Похороны жертвъ, убитыхъ во время этой демонстрации, пришлось отмѣнить, такъ какъ передъ госпиталемъ Св. Духа снова собралась тысячная толпа евреевъ и рабочихъ. О повторномъ покушеніи на полицейскаго Сарапа, въ самомъ зданіи Пражской больницы, я уже упоминалъ. Неизвѣстный злоумышленникъ, успѣвшій скрыться послѣ невѣроятнаго по своей дерзости покушенія, нынѣ, какъ сообщаютъ здѣшнія газеты, уже арестованъ. Охрана города, вслѣдствіе серьезности положенія, усилена. При такихъ условіяхъ понятна тревожность настроенія.

Къ этому присоединяется возбужденіе, вызванное репрессивными мѣрами, примѣненными при закрытіи варшавскаго университета. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ мнѣ сообщилъ Генрихъ Сенкевичъ, занятія прекратились, такъ какъ классы посѣщались ничтожнымъ количествомъ учащихся. Болеславъ Прусъ и другіе выдающіеся польскіе писатели, съ которыми мнѣ привелось уже бесѣдовать, относятся къ нынѣшнему положенію вещей съ большимъ опасеніемъ. Опасенія смягчаются лишь надеждами, возбужденными среди здѣшней интеллигенціи Высочайшимъ рескриптомъ отъ 14-го марта на имя вновь назначеннаго варшавскаго генералъ-губернатора. Каковы именно эти надежды на предстоящія реформы въ Царствѣ Польскомъ, и насколько онѣ согласуются съ предначертаніями правительственной власти, я выясню въ послѣдующихъ письмахъ. Отъ генералъ-адъютанта К. К. Максимовича польское общество ожидаетъ весьма многаго, основываясь, какъ на личныхъ свойствахъ новаго варшавскаго генералъ-губернатора, такъ и на многообѣщающихъ словахъ Высочайшаго рескрипта, предусмотрѣвшаго, что подавленіе „искусственно поддерживаемой смуты" не должно препятствовать немедленной разработкѣ преобразованій, настоятельно необходимыхъ въ мѣстномъ строѣ Привислинскаго края.

Мнѣ указывали на рядъ фактовъ, неопровержимо свидѣтельствующихъ, что за послѣднія сорокъ лѣтъ край явно регрессируетъ въ культурномъ отношеніи. Въ Варшавѣ, напримѣръ, изъ 90,000 дѣтей школьнаго возраста обучается въ учебныхъ заведеніяхъ всего около пяти тысячъ. Не находится-ли остальная масса юношества на пути къ одичанію? Въ началѣ прошлаго столѣтія, когда учебное дѣло находилось еще въ рукахъ мѣстнаго самоуправленія, процентъ дѣтей, пользовавшихся школьнымъ образованіемъ, былъ выше, чѣмъ въ настоящее время. Наряду съ упадкомъ образованія замѣчается наводящее на серьезныя размышленія физическое вырожденіе народнаго типа. Живущее впроголодь, а иногда и прямо голодающее сельское и городское населеніе края нуждается въ неотложныхъ мѣрахъ для подъема своего благосостоянія. Первою изъ такихъ мѣръ должно быть образованіе земскихъ и городскихъ органовъ самоуправленія, ряды дѣятелей которыхъ немедленно пополнятся представителями умѣренной по духу и самоотверженной, просвѣщенной польской интеллигенціи, обильной знаніемъ и художественными дарованіями. Не менѣе умиротворяющее впечатлѣніе произведетъ приглашеніе выборныхъ мѣстныхъ дѣятелей какъ въ здѣшнія правительственныя совѣщанія, такъ и въ комиссіи, засѣдающія въ Петербургѣ.

Самымъ существеннымъ вопросомъ является при этомъ вопросъ времени. Время не терпитъ. Настоятельныя нужды вопіютъ, каждый безплодно пропущенный день—преступленіе.

IV.

Бесѣда съ В. Сѣрошевскимъ.

Извѣстный польскій писатель Вацлавъ Сѣрошевскій принадлежитъ къ числу немногихъ литературныхъ дѣятелей, руководящихся въ вопросѣ о польско-русскихъ отношеніяхъ вполнѣ опредѣленною, точно формулированною программой. Живая, образная, энергичная рѣчь его производитъ увлекательное впечатлѣніе, обличая въ талантливомъ беллетристѣ и бытописателѣ прирожденное ораторское дарованіе.

— Тѣсное единеніе между Царствомъ Польскимъ и Россіей, — началъ обстоятельное изложеніе своихъ воззрѣній г. Сѣрошевскій, — не только желательно, но и вполнѣ возможно. Основанное на общности культурныхъ и экономическихъ интересовъ, оно можетъ быть обоюдно выгоднымъ и потому совершенно искреннимъ. Польша, вслѣдствіе идущаго впередъ быстрыми шагами развитія своей обрабатывающей промышленности, не можетъ не нуждаться въ русскомъ хлѣбѣ: она представляетъ въ этомъ отношеніи для Россіи значительный внутренній, т. е. наиболѣе выгодный рынокъ. Не менѣе выгоднымъ для нея самой возмѣщеніемъ служитъ, въ свою очередь, постоянный сбытъ продуктовъ промышленности въ центральную Россію.

Наиболѣе популярная въ краѣ программа польскихъ прогрессивныхъ демократовъ вполнѣ сознаетъ необходимость нести, наравнѣ съ другими частями государства, обще-имперскія тяготы по охранѣ границъ отъ иноземнаго вторженія. Матеріальныя жертвы возмѣстятся естественнымъ ростомъ народнаго благосостоянія, возможнымъ лишь при условіи обезпеченія странѣ внутренняго порядка и внѣшней безопасности. Наряду съ предоставленіемъ Царству Польскому самоуправленія, необходимо оградить и насущнѣйшіе интересы польскаго населенія въ предѣлахъ Литвы и правобережной Украйны, гдѣ оно составляетъ одну изъ мѣстныхъ народностей.

Прогрессивные демократы считаютъ справедливымъ, чтобы поляки пользовались тамъ, наравнѣ съ другими народностями, всей совокупностью гражданскихъ и культурно-національныхъ правъ, безъ всякихъ законодательныхъ или административныхъ ограниченій. Излагая подробно программу польской прогрессивно-демократической партіи въ одномъ изъ органовъ русской печати, я уже перечислилъ всѣ наиболѣе желательныя реформы. Чтобы не повторять этого списка, я могу сказать кратко: польскому населенію нужны тѣ же правовыя нормы, то же освобожденіе отъ административнаго произвола, которыхъ домогаются столь единодушно истинно-патріотическіе слои русскаго общества. Безъ упраздненія всѣхъ существующихъ въ Царствѣ Польскомъ, связанныхъ съ происхожденіемъ и вѣроисповѣданіемъ, ограниченій и преимуществъ, безъ обезпеченія неприкосновенности личности и частнаго жилища, безъ возстановленія польскаго языка въ качествѣ органа всей общественной жизни, безъ объявленія свободы слова, собраній, союзовъ и стачекъ, безъ введенія самоуправленія городскихъ и сельскихъ общинъ (гминъ), основаннаго на всеобщемъ избирательномъ правѣ, въ качествѣ главныхъ и первичныхъ органовъ управленія края,—немыслимы никакія коренныя преобразованія.

Отъ русской государственной власти,—закончилъ г. Сѣрошевскій,—всецѣло зависитъ теперь же направить польское населеніе на путь мирнаго культурнаго развитія. Откровенно, безъ всякой утайки высказанная программа пожеланій наиболѣе прогрессивной польской партіи принесетъ пользу даже въ томъ случаѣ, если въ данное время окажется невозможнымъ выполнить ее со всею полнотою. Она намѣчаетъ направленіе, въ которомъ можетъ быть проведена умиротворяющая дѣятельность, имѣющая цѣлью сплотить въ одно благоустроенное цѣлое обширное, разноплеменное государство.

Воззрѣнія, высказанныя г. Сѣрошевскимъ, вполнѣ подтверждаютъ соображенія, изложенныя мною въ предшествующихъ письмахъ. Упованія наиболѣе просвѣщенныхъ представителей польскаго общественнаго мнѣнія обращены въ сторону Россіи. Въ тѣсномъ единеніи съ нею всѣ здѣшнія партіи видятъ вѣрнѣйшій залогъ мирнаго культурнаго развитія. При всемъ многоразличіи ихъ политическихъ и правовыхъ пожеланій, стремленіе къ такому единенію проявляется съ одинаковою силой, открывая широкія перспективы для предстоящаго государственнаго творчества въ Россіи.

К. Льдовъ

Романъ въ газетныхъ объявленіяхъ.

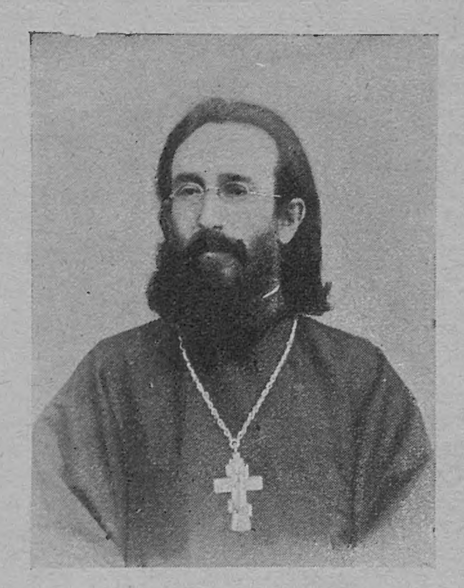
Заграницей, среди газетныхъ публикацій, занимаетъ видное мѣсто переписка между лицами, для которыхъ почему-либо этотъ заранѣе условленный способъ дать знать о себѣ представляется наиболѣе удобнымъ. Явленіе это до того обычно, что публикѣ такого рода объявленія-письма примелькались. Но на-дняхъ, въ одной изъ очень распространенныхъ англійскихъ газетъ, болѣе внимательные читатели прослѣдили въ объявленіяхъ за всѣми перипетіями романа, за настоящей семейной драмой. Насколько можно было заключить изъ первыхъ писемъ, „она" собиралась бѣжать съ „нимъ"—семейнымъ человѣкомъ. Все было приготовлено, даже пароходные билеты для обоихъ взяты. Но прочитанное „ею" стихотвореніе Бернса все разстроило. 24-го февраля появилось слѣдующее письмо отъ „нея", адресованное G. S.:

„Я одержала труднѣйшую изъ побѣдъ—я побѣдила самое себя. Я не могу и не хочу сдѣлать отчаянный шагъ, который мы имѣли въ виду. Ты познакомилъ меня съ твоимъ любимымъ поэтомъ—и онъ высказался противъ тебя: „Такой мольбѣ печальной—никто не могъ противостать: изъ камня сердца тронуться должно!" Вчера я набрела на это мѣсто, и слова поэта ударили по мнѣ, какъ хлыстъ. Возвратись душой къ своимъ, которые тебя такъ любятъ. Прощай! Когда ты это прочтешь, меня уже не будетъ въ П. E. F."

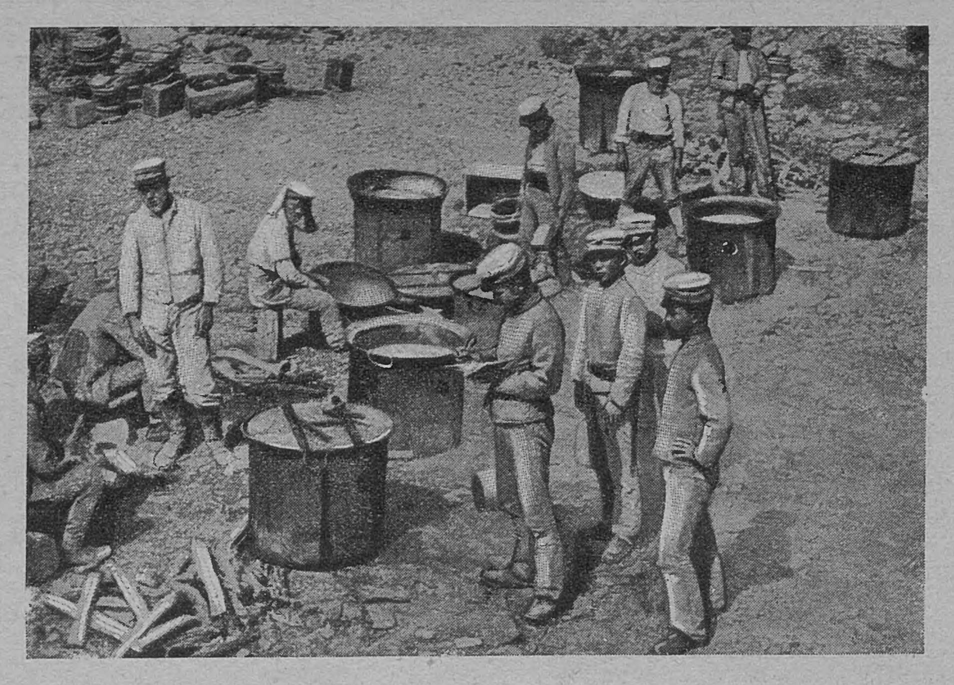
На это G. S. отвѣтилъ въ нумерѣ отъ 26-го февраля:

„Твое вчерашнее письмо поразило меня. Необъяснимо, послѣ твоихъ торжественныхъ обѣщаній. Заказалъ уже на 25-е пароходные билеты и устроилъ всѣ свои дѣла. Ты не должна, не можешь теперь отмѣнить свое рѣшеніе. Требую, чтобы ты дала о себѣ вѣсточку по старому адресу".

Два дня спустя „она" описываетъ „ужасную тоску", какую испытываетъ, но сообщить свой адресъ отказывается. 2-го марта она заявляетъ, что ни за что отъ него не откажется, что всѣ жертвы на его сторонѣ, она-же ничѣмъ не рискуетъ. На это 8-го марта появляется возраженіе:

Главный священникъ I-й манчжурской арміи
о. Георгій Шавельскій,
контуженный подъ Ляояномъ.

Полевая кухня японскаго армейскаго корпуса. — Котлы, предназначенные исключительно для варки риса, составляющаго главный предметъ питанія японской арміи.

„Какъ, я ничѣмъ не рискую? А честь—ничто? А доброе имя—ничто? Жестокій! О, какъ я страдаю! А все-же адреса моего тебѣ не дамъ!“.

„Онъ“ въ отчаяніи. Заявляетъ, что былъ въ состояніи невмѣняемости, проситъ прощенія и личнаго свиданія: „сжалься надо мной!“. Но она боится свиданія, которое можетъ оказаться роковымъ для ея рѣшимости. „Я послала по извѣстному тебѣ адресу вещицу—береги ее на память обо мнѣ. Въ пятницу я оставляю Англію навсегда,—но одна. Теперь остается самое тяжелое: прости, прости навѣки, милый, дорогой!“ Послѣ этого появилось еще слѣдующее письмо отъ „него“: „Умоляю, телеграфируй гавань, изъ которой отплываешь. Долженъ тебя видѣть еще разъ — въ послѣдній разъ! Твои письма свидѣтельствуютъ, что ты меня еще любишь. Твоя любовь должна побудить тебя исполнить мою послѣднюю просьбу. Телеграфируй гостиница G.“.

Одновременно въ той-же газетѣ появилось слѣдующее объявленіе:

G. S. Если подъ этими буквами скрывается А—Т.—изъ Гемпстэдта, то выслушай слѣдующее: „Гдѣ папа, мамочка?“ Этотъ плачъ не унимается цѣлый день. Небо да защититъ моихъ крошекъ! Ради нихъ я все прощу и забуду, если ты вернешься. Ада“.

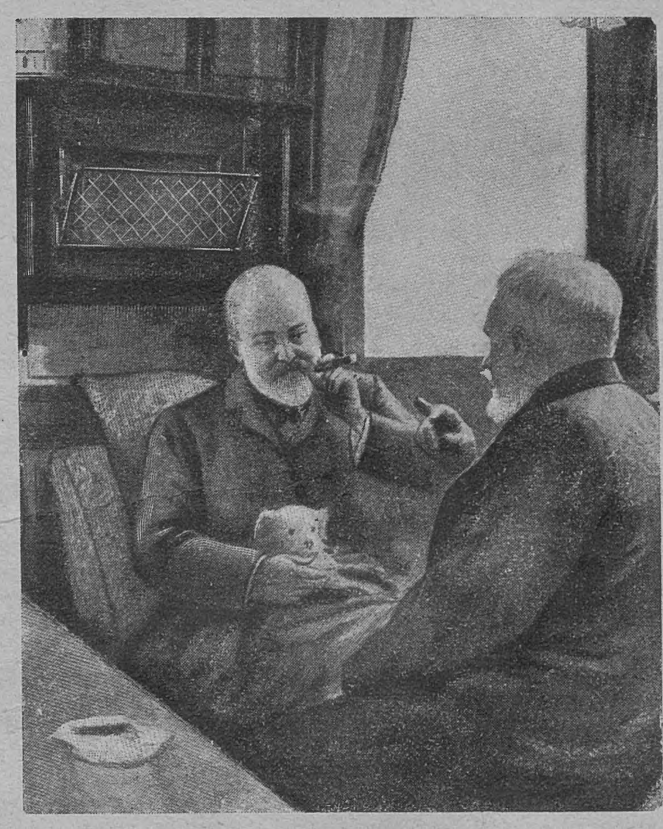
Финаломъ этой драмы явилось слѣдующее лаконическое объявленіе:

„G. S. Прощай! E. F.“

Такимъ образомъ, два стиха Бернса,—кстати, — за „вольный“ переводъ ихъ мы извиняемся предъ читателями, — восторжествовали въ сердцѣ женщины, надъ страстью, мужчина-же, прочитавъ въ гостиницѣ свой приговоръ, будемъ надѣяться—воспользуется готовностью жены простить и забыть, и вернется къ своему очагу.

Встрѣча на вокзалѣ.

Бесѣда въ пути.

Къ свиданію короля Эдуарда VII съ президентомъ Лубе.

Со снимковъ корреспондентовъ, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

За редактора Владиміръ Бонди. Тип. „Бирж. Вѣд.“ (С. М. Проппера), Спб., Мѣщанская, соб. д. № 25. Издатель „Иллюстрированныхъ Бирж. Вѣд.“ С. М. Пропперъ.